

*“Идеал всегда
отрицательного
направления.*

*Человек не удовлетворен,
оскорблен в том или
другом чувстве и делает
построение, в котором
неудовлетворяющие
и оскорбляющие его
явления отсутствуют.”.*

Н.К. Михайловский

A portrait of Nikolai Mikhailovskiy, a man with a long, full beard and glasses, looking slightly to the left. The background is dark and textured.

Николай

Михайловский

НИЦШЕ И РОССИЯ

БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Кто мы? (Алгоритм)

Николай Михайловский
**Ницше и Россия. Борьба
за индивидуальность**

«Алисторус»

2023

УДК 94(47)

ББК 63.3

Михайловский Н. К.

Ницше и Россия. Борьба за индивидуальность /
Н. К. Михайловский — «Алисторус», 2023 — (Кто мы?
(Алгоритм))

ISBN 978-5-00222-118-9

«Наша мутно-серая история так сложилась, что не на чем было воспитаться чувству собственного достоинства, которое побуждало бы брезгливо отталкивать от себя всякую гадину», – писал Н.К. Михайловский (1842–1904), русский публицист, социолог и литературовед. По поводу российской истории и особенностей русского самосознания он вел острую полемику с Ф.М. Достоевским и другими представителями «почвенничества», считавшими главными чертами русского народа самоотречение, доходящее до полного забвения личности, готовность к страданиям, покорность судьбе. По мнению Михайловского, все это принижает и нравственно калечит человека, – в результате, «нигде негодяй не может с таким удобством проделать свое негодяйство второй и третий раз над одними и теми же слабыми, нравственно беспомощными людьми». Михайловский много рассуждает о «героях и толпе», борьбе за индивидуальность, основываясь, в том числе, на творчестве Ф. Ницше. Лучшие произведения Н. К. Михайловского представлены в данной книге. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5-00222-118-9

© Михайловский Н. К., 2023

© Алисторус, 2023

Содержание

«Бесноватые свиньи» и больная Россия	6
«Космополитические грезы»	6
«Апокалипсис Запада»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Николай Михайловский

Ницше и Россия. Борьба за индивидуальность

«Бесноватые свиньи» и больная Россия

«Космополитические грезы»

(из статьи «Медные лбы и вареные души»)

«Многие глубоко русские, истинно народные точки зрения газеты „Русь“, конечно, несравненно ближе разуму и сердцу сплошной массы русского общества, чем озлобленные издевательства над Россией и русским какого-нибудь органа бесплодного отрицания и космополитических грез, словно в насмешку присвоившего себе имя „Отечественных Записок“, и других органов печати нашей, у которых нет на душе ни одного русского чувства, ни одной русской мысли.

Все эти органы расхожего европейского либерализма без собственного труда и заботы снабжаются всем готовым прямо с базара, как бесхозяйственные проходимцы одеваются с головы до ног в первом попавшемся магазине готового платья... Стая литературных попугаев... Бесшабашное и беспрепятственное гарцевание на поле общественной мысли одних только оторвавшихся от своей родной почвы либеральствующих нахалов, облаивающих все исторические народные святыни, все простое, искреннее и теплое, что сохранилось в душе современного русского человека. Эти литературные галманы...»

Так полагает г. Евгений Марков («Русская речь» № 5). Проходимцы, обезьяны, попугаи, нахалы, галманы и еще многое другое в этом роде, что мне уже лень было выписывать. Мне кажется, что для собеседования с человеком, извергающим такой искрометный фонтан крепких слов, я имею право прибегнуть к выражению «медный лоб». Отнюдь не в отместку, прошу заметить. Если бы дело шло об отместке, то не предстояло бы никаких затруднений ответить на фонтан фонтаном, даже усиленным; ибо, извлекая из мира животных попугаев и обезьян, а из человеческого ругательного лексикона – нахалов, проходимцев и каких-то «галманов», г. Марков, конечно, далеко не исчерпал источника ругательств. Такой отповеди я не беру на себя и просто попрошу г. Маркова зайти в праздничный день в кабак и принять на свой счет все те крепкие слова, которые он там услышит. Будет сыт по горло. Медные лбы – другое дело. Не ради ругани употребляю я это выражение, а только в качестве характеристического названия целого типа людей, весьма распространенного всегда, а ныне в особенности.

Знаете ли вы, что такое медный лоб? Нет, вы не знаете, что такое медный лоб, потому что, если бы вы знали, то положение медных лбов было бы совсем иное. Положим, губернские чиновники знали, что Ноздрев без зазрения совести лжет и нечисто играет в карты, но все-таки играли с ним, хотя и с предосторожностями, и к нему именно, заведомому вралю, обратились за разъяснением истории с мертвыми душами. Ясно, что чиновники, собственно говоря, не знали Ноздрева. Не знали тем высшим психологическим знанием, которое охватывает всего познающего и, пропитав собою все его существо, не дает ему остановиться на безразличном отношении к человеческой душе, а сопрягается с любовью или ненавистью, презрением или уважением. Вот этого-то высшего, всеохватывающего и всепроникающего знания у нас вообще

очень мало. Живописуя Ноздрева, Гоголь довольно справедливо заметил: «Что всего страннее, что может только на одной Руси случиться, он (Ноздрев) через несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его журили, и встречался как ни в чем не бывало: и он, как говорится, ничего, и они ничего».

Положим, что не только на Руси это может случиться, но во всяком случае на Руси скопилось много условий, благоприятных для подобных казусов. Темпераменты у нас уже от природы довольно кисельные. Получили ли мы свою вареную душу от отдаленных предков в наследство или нам ее внедряет наш русский пейзаж, лишенный ярких красок и резко очерченных форм, но достоверно, что русская душа бывает сплошь и рядом вареная: что-то бледное, расплывающееся, почти лишенное силы сцепления между частицами.

Вернее, впрочем, предположить, что дело тут не в природе, а в истории. Действительно, наша мутно-серая история так сложилась, что не на чем было воспитаться чувству собственного достоинства, которое побуждало бы брезгливо отталкивать от себя всякую гадину и держать ее на том почтительном расстоянии, на котором ее любезности или фонтаны ругательств имели бы характер только физического явления, колебания звуковых волн.

Наконец, наше настоящее таково, что огромное большинство русских людей «тузит» друг друга вроде как из-за выеденного яйца. Что же мудреного, если после такой потасовки русские люди, «как говорится, ничего»? Что же мудреного, что и вы не знаете настоящим образом, что такое медный лоб? Вы знаете, что он нагл, бесстыден, не чист на руку, лжец и клеветник, но вы терпите его в своем обществе и нет-нет, да и обратитесь к нему с предложением сыграть пульку или даже за каким-нибудь разъяснением. Правда, что, выслушав разъяснение, вы иной раз только руками разведете или, подобно полицеймейстеру, скажете в раздумье: «Черт знает, что такое!». Но во всяком случае вы его до себя допускаете, если даже не сами к нему лезете, а следовательно, настояще его не знаете.

* * *

Само собою разумеется, что я не мечтаю о сообщении вам такого знания, потому что оно и вообще не сообщается, а дается только жизнью. Когда дух жизни, вольной и широкой, коснется вас своим магическим жезлом; когда выеденное яйцо перестанет быть исключительным предметом ваших помыслов и чувств; когда явится перед вами что-нибудь в самом деле дорогое, за что стоит любить и ненавидеть, венчать лаврами и закидывать гнилым картофелем, – тогда и только тогда узнаете вы, что такое медный лоб. Все это когда-нибудь да будет, разумеется, или же русская история прекратит свое течение: «вша заест». Я даже думаю, что это довольно скоро будет. Но пока что, а теперь разве только крупный художник может, забегая течению жизни вперед, заклеить медный лоб таким клеймом, что даже в нашем современном мире, в этой несчастной, загнанной в раковину улитке, зашевелится чувство отвращения.

Однако Гоголь был крупный художник, Ноздрев – несомненный представитель породы медных лбов, а клеймо позора вовсе уж не так ярко горит на нем. Напротив, вспоминая его, вы смеетесь презрительным, но все-таки снисходительным и добродушным смехом. Да, но я говорю только, что крупный художник может послать медному лбу такую пулю, которая даже от него не отскочит. Это не значит, что крупный художник, взявшись за известную задачу, непременно ее выполнит. Да Гоголь и не имел в виду специально медный лоб. Он осложнил фигуру Ноздрева тою беспорядочною и бесшабашною, но добродушною удалью, которая так часто исполняет у нас обязанность истинного благородства и которая в глазах русских людей сама в себе несет какое-то странное оправдание. «Широкая натура», «душа-человек» – каких мерзостей не простит своему ближнему русская вареная душа за эти качества?

Вареная душа поражается зрелищем суетливой юркости, безраздумной решительности суждений и поступков, всего этого угара «широкой натуры», каковое зрелище представляет

такой резкий контраст с собственным состоянием вареной души. И вареная душа прощает. Прощает тем охотнее, что, несмотря на контраст между нею и Ноздревым, они очень близки друг другу. Ноздрев в сущности – такая же вареная душа, не знающая истинной любви и ненависти, лишенная всякой устойчивости и дельности, но только одаренная медным лбом и размашистым жестом. Простая вареная душа колеблется направо и налево, делает шаг вперед и два шага назад, потому что никакое глубокое чувство ей не доступно. Не доступно оно и вареной душе, украшенной медным лбом и размашистым жестом: сегодня она задушит поцелуями того самого человека, которого завтра обдаст целой лоханью помоев. Но в каждую данную минуту она поражает веселою безапелляционностью своих решений.

Дело заключается, может быть, еще в том, что нравственное чувство, возмущенное поступками Ноздрева, не имеет времени разрастись до размеров оскорбленной справедливости. Положим, что сегодня Ноздрев чуть-чуть не избил Чичикова чубуком и руками своих холопов, но ведь вчера его, может быть, самого высек поручик Кувшинников, а завтра ему выдерет одну бакенбарду штабс-ротмистр Поцелуев. Сегодня он обыграл шулерским образом первого встречного, а завтра такой же встречный обыграет его самого начисто, хоть пешком к себе в деревню иди.

Неправедно торжествующего Ноздрева вы почти не видите. Та самая бесшабашная неугодность, которая толкает его на мерзости, готовится ему и наказание, так что чувство возмездия в постороннем наблюдателе насыщено. Притом же все шулерства Ноздрева, все его беспардонное лганье и наглость вращаются исключительно в кругу его личных делишек. Конечно, он врет, когда уверяет, что поймал руками зайца, но нам с вами нет никакого резона принимать это вранье близко к сердцу. Он ли прибьет Чичикова или, напротив, его самого выпорет поручик Кувшинников – это опять-таки только их троих касается. Выиграет ли Ноздрев или останется в убытке, променяв шарманку на бричку, – это тоже для нас с вами довольно безразлично. В дела характера общего и общественного, задевающие более или менее широкий круг интересов, Ноздрев не мешается. Он – человек мерзостного личного факта только, а не мерзостного общего принципа. Он никого не уверяет, что вчера спас или завтра спасет отечество; он говорит только, что поймал руками зайца и что у него была лошадь голубого цвета.

Безбожно клеветца на Чичикова, Ноздрев согласен подтвердить предположение губернского общества, что он, Чичиков, – французский шпион; но и тут, в высший момент своего наглого лганья, он собственно не в политической неблагонадежности обвиняет Чичикова, а уверяет только, что Чичиков был в школе «фискалом». Словом, Ноздрев органически не может выбиться из тины личных мелочей и вынести свой медный лоб на почву политической клеветы и политического шулерства. Это – также весьма веское смягчающее или примиряющее с распущенностью Ноздрева обстоятельство.

Нынешний медный лоб – такой же виртуоз в деле наглости, клеветы, хвастовства, передержек, как и Ноздрев, но у него, во-первых, есть приходо-расходная книга, куда он аккуратно заносит результаты своей деятельности, а во-вторых, он выносит свое бесстыдство на арену общественной жизни. Это отнюдь не значит, чтобы он обзавелся какою-нибудь определенной политической точкою зрения. Нет, он по-прежнему весь, до дна, исчерпывается своим меднолобием и сохранил даже все ноздревские технические приемы клеветы, шулерства и лганья, но он завоевал себе новое поприще, где есть на чем разгуляться его дрянным инстинктам. Для него по-прежнему нет ничего заветного, но уже не шарманки и лошади, не собаки и брички, не живые и мертвые души составляют предмет его коммерческих операций, а политические принципы. Он их меняет с такою же бесшабашною стремительностью, как Ноздрев менял собак, и продает, не всегда за деньги, но во всяком случае продает. В нем говорит все то же неудержимое стремление напакостить ближнему, но сфера приложения этого инстинкта для него много расширилась. Гоголь мог бы предвидеть это дальнейшее развитие намеченного им типа, потому что на себе испытал его веяние.

Певцу «бедности и несовершенства нашей жизни» современные ему медные лбы не раз бросали упрек в недостатке любви к России и в «облаивании исторических народных святынь».

* * *

Теперь г. Евгений Марков предъявляет этот самый упрек «Отечественным Запискам». Будучи лишен всякой оригинальности, будучи вообще мизерен и неинтересен как личность, г. Марков есть тем не менее любопытный тип. Читатель без труда припомнит те более или менее распространенные в нашей литературной и общественной жизни черты меднолобия, которые г. Марков своим красноречием повторяет.

Обратите прежде всего внимание на время, избранное г. Марковым для обличения «Отечественных Записок» в «озлобленном издевании над Россией» и в «облаивании исторических народных святынь». Это – время, почти непосредственно следующее за кровавым событием 1-го марта (убийство Александра II. – *Прим. ред.*). *Время ужаса и чуть не повального одурения; время невозможных проектов перенесения столицы в Москву и обществ взаимного добровольного шпионства; время расцвета того дикого якобы патриотизма, который, как хорошая охотничья собака, обнюхивает каждый куст, не пахнет ли жидом, поляком, вообще нерусским или русским изменником.*

Надо обладать действительно очень крепким лбом, чтобы в такое время указать пальцем на тот или другой орган печати и сказать: вот кто облаивает исторические народные святыни! вот кто озлобленно издевается над Россией и всем русским! Читатель знает, что не один г. Марков занимался этим благородным ремеслом.

Скажут, может быть, что все дело тут в искренности убеждения: если г. Марков действительно убежден, что либеральствующие нахалы, проходимцы, попугаи, обезьяны, галманы «Отечественных Записок» вредны, то именно тревожность исторической минуты налагать на него нравственную обязанность указать на зло и назвать его по имени.

Так. Но заметьте, что искренность убеждения составляет при этом необходимое условие; искренность убеждения и еще одна вещь. Что касается искренности, то я позволю себе усомниться в ее наличности. Ругательства и инсинуации г. Маркова имеют совершенно ноздревский характер. Ноздрев ведь тоже рассыпал направо и налево крепкие слова, отнюдь, однако, не вкладывая в них действительной ненависти или вообще искреннего убеждения, что облаиваемый им субъект на самом деле заслуживает крепкого слова.

Допустим, что г. Марков в самом деле глубоко убежден в том, что говорит. Но ведь есть дела, по которым обвинение и суд никоим образом не могут основываться на одном только внутреннем убеждении. И обвинение г. Маркова принадлежит именно к этой категории. Если бы г. Марков не был тем, что он есть, если бы он обладал хотя малую долю самой элементарной добросовестности, он предъявил бы какие-нибудь доказательства, что мы «облаиваем исторические народные святыни» и «озлобленно издеваемся над Россией и русским». Это было бы всегда необходимо, а тем более в избранное г. Марковым для атаки время. От этого не умалился бы патриотический подвиг разыскания врагов отечества, а только приобрел бы характер солидности и серьезности, не говоря уже о требованиях прямой добропорядочности.

Но какое до всего этого дело медным лбам?! Отправляясь в поход на врагов отечества, они, пожалуй, нарочно оденутся в арлекинский костюм, ибо им ли уразуметь, что гражданский подвиг не уживается ни с паясничеством, ни с клеветой? Их дело – сотрясать воздух бранным кликом единственно в тех видах, чтобы напакостить ближнему, и затем, вместо всякой ответственности перед собой и людьми, бесстрашно и бесстыдно выставить вперед свой медный лоб: от него все отскочит...

Отскочит, я знаю, и мое собеседование с г. Марковым. Я слишком хорошо знаю, что ни краска стыда не зальет его лица, ни ущемленная совесть не ослабит ноздревской ярко-

сти его природного румянца. Знаю и не особенно горюю об этом. Но вот что в самом деле огорчительно: если бы я доказал меднолюбие г. Маркова с математической точностью и не оставил ни одного сомнения относительно нравственной физиономии этого человека, то при новой встрече с вареными душами все-таки и он будет, «как говорится, ничего и они ничего». А вареных душ много, ими переполнена бедная русская земля. Только этим обилием вареных душ, не злопамятных и не добропамятных, можно объяснить многие дикие страницы старой и новой русской истории и многое множество наших житейских эпизодов.

Нигде негодяй не может с таким удобством проделать свое негодяйство второй и третий раз над одними и теми же слабыми, нравственно беспомощными людьми, им же имя – легион. Нельзя, значит, с ними не считаться; а как с ними считаться, коли они всегда готовы все простить якобы по благодущию, а в сущности потому, что у них душа выварена?..

* * *

Читатель заметил, может быть, что г. Марков, презирая «органы расхожего европейского либерализма», тем не менее знает какую-то «почтенную партию действительного и серьёзного либерализма». Неизвестно только, какая это партия, из каких людей она состоит, каковы ее цели и программа. Г. Марков говорит только, что к ней «стараятся приспособиться» галманы. Г. Марков говорит, г. Марков не говорит, г. Марков рыдает, г. Марков раздвигает улыбкою рот до ушей – кому какое дело до этого?

Но г. Марков есть тип. Не он один прибегает к фортелю с таинственными намеками на истинный или действительный либерализм. Читателю известно, что ныне вошло в моду, говоря о либерализме, ставить его в иронические кавычки: «либерализм», «либералы» и проч. Дескать, это совсем не истинный либерализм и не истинные либералы, а мы только в насмешку так их называем, «в критику и из-под политики», как говорит у Островского жеманная купеческая дочка.

Очень часто дело не ограничивается ироническими кавычками и являются выражения: «quasi-либерализм», «лже-либерализм», «формальный либерализм» и т. п. Этими выражениями опять-таки дается понять, что употребляющим их известен и близок сердцу истинный и не формальный только либерализм, не имеющий ничего общего с образом мыслей их противников. Одни прибегают к этому фортелю просто зря, без мотива и цели, а другие...

Не знаю, впрочем, выражается ли у этих других таким способом остаток стыда или, напротив, вящее бесстыдство медных лбов. Дело в том, что многие и многие из них (г. Марков в том числе) когда-то не мало грешили по части либерализма, гордились титулом либерала и чрезвычайно негодовали на людей, находивших либерализм узкой и фальшивой доктриной. Теперь настали новые времена, и старые птицы запели новые песни: они поют о зловредности либерализма. Поют громко, с задорными фиоритурами, но – вот этого-то я и не могу решить – по остатку стыда или по большому бесстыдству, отдают двусмысленную дань своему либеральному прошлому выгораживанием какого-то истинного, не формального, серьёзного, просвещенного либерализма.

Может быть, впрочем, они просто оставляют себе лазейку на тот случай, если либерализм станет когда-нибудь опять современной песнью. Они могут в таком случае сказать: мы не были против настоящего, серьёзного, просвещенного либерализма, а, дескать, ныне господствующий и есть именно этот настоящий, серьёзный...

Нам не придется петь такую песню, потому что мы никогда либералами не были; ни в те времена, когда либерализм, правда, умеренный и аккуратный (он говорил: «наше время не время широких задач»), брызгал чуть не изо всех пор русской литературы, ни теперь, когда доктрина либерализма находится в таком загоне, что даже несколько неловко подчеркивать

ея слабые стороны. Неловко по той же причине, по которой лежащего не бьют и в спину не стреляют.

Я, конечно, и не собираюсь заниматься этим благородным делом, но надо все-таки удивляться необыкновенному меднолобию людей, ставящих либерализм нам на счет и валящих вину с собственной больной головы на чужую здоровую. И ведь это всенародно происходит! Точно читатель не может заглянуть ни в старые статейки хоть того же г. Маркова и прочих нынешних врагов «лже-либерализма», ни в старые и новые номера «Отечественных Записок».

Упрек в «лже-либерализме» обыкновенно осложняется упреком в подражании Европе. Г. Марков говорит об «органах расхожего европейского либерализма», изящно указывая при этом на неправильность названия «Отечественные Записки» для журнала, который занимается «облаиванием» народных святынь и презирает все отечественное.

Мы не выбирали названия для своего журнала, а получили его по невольному наследству, в силу тех особых условий, в которых стояла и стоит русская печать. Но, по правде сказать, если бы нам предстоял свободный выбор, мы, вероятно, выбрали бы не «Отечественные Записки», а какое-нибудь другое название. Прежде всего, впрочем, ввиду того, что название это не особенно удачно в логическом и грамматическом отношении. А затем и по более интересным причинам.

Очень уж много недоразумений возбуждает слово «отечество». Я не говорю о том давно поставленном вопросе, Германию или Францию должны считать ныне своим отечеством эльзасцы и лотарингцы. Вопрос, интересный для самих эльзасцев, интересный теоретически, но собственно для нас в момент собеседования о нашем патриотизме совершенно безразличный. Мы – коренные русаки, и ни даже самый подозрительный медный лоб не мог до сих пор открыть присутствие «жидовского», польского и вообще инородческого элемента в составе нашей редакции. Не то чтобы мы гнали от себя «жидов» и иных, нет, просто так случилось.

* * *

Как бы то ни было, «случай ли выручил, бог ли помог», но одна опасность и одно затруднение для нас не существуют. Есть, к сожалению, другие.

Спрашивается: если я люблю свое отечество, то люблю ли и должен ли любить все, что в нем живет, летает и пресмыкается, всех птиц и гадов, его населяющих?

Обязан ли я, например, любить г. Маркова и все сонмище медных лбов «отечественной фабрикации»? Мне кажется, это не обязательно. Хотя бы потому не обязательно, что, любя медные лбы, я должен не любить многое русское же, несомненно русское, что эти медные лбы колотят своею металлическою непроницаемостью.

Возьмите крупный, хороший и притом русский орех и подставьте его медному лбу: медный лоб не то что безжалостно, а просто в силу своей неотвественной металличности расплющит орех, не разбираючи шелухи и ядра. Могу ли я пожалеть о бесследно погибшем прекрасном русском орехе? Мне кажется, это позволительно. И не только позволительно, а может даже быть правомерно введено в сферу любви к отечеству, ибо бесплодно погибший прекрасный орех был русский: он вырос на отечественной почве, обмывался отечественным дождем и созрел под отечественным солнцем.

С другой стороны, медный лоб тоже справедливо говорит, что он отечественной фабрикации. Он, может быть, даже мнит себя неприкосновенной «народной святыней» или чем-нибудь в таком роде. Это он врет, конечно. Но надо же все-таки, значит, выбирать между любовью к русскому медному лбу и любовью к раздавленному им прекрасному русскому ореху. Где та возвышенная точка, с которой этот выбор может быть сделан правильно?

Спрашивается далее: если я люблю отечество, то не могу ли в то же время любить некоторые вещи, не отечественные правда, но и не стоящие в прямом противоречии с идеей отече-

ства; те международные вещи, о которых, употребляя слова писания, следует сказать, что по отношению к ним несть эллин ни иудей?

Такие вещи, бесспорно, есть, они называются: истина, справедливость, свобода, труд, честь, совесть и проч. Мне кажется опять-таки, что любить их не только позволительно, а даже обязательно для истинного сына отечества. Мало того, быть может, вся задача истинного патриота исчерпывается посильным водворением этих прекрасных международных вещей в своем отечестве. По крайней мере так именно понимали дело многие великие европейские и русские люди, составляющие гордость своей родной страны. И, наоборот, нельзя указать ни одного исторического примера, чтобы родина с благодарною гордостью вспоминала о человеке, который гнал из нее великие международные вещи; не русские или французские, не эллинские или иудейские, а те, что всем ровно светят и всех ровно греют, как солнце.

Видеть свою родину хотя бы в будущем облеченною в броню истины и справедливости – г. Марков и К называют это «космополитическими грезами». Так ли, полно? По-моему, это не грезы, а если грезы, то во всяком случае патриотические. А впрочем, дело не в словах, и, повторяю, если бы выбор от нас зависел, то во избежание недоразумений мы не назвали бы, вероятно, своего журнала «Отечественными Записками».

Недоразумения еще не исчерпаны. Дело в том, что великие международные вещи не противоречат идее отечества, а, напротив, дают ей опору. Но понятно, что фактическому положению отечества они могут в каждую данную минуту противоречить самым резким образом. Еще недавно мы слышали с высоты трона о духе «неправды и хищения», бременящем наше отечество. Это и есть указание на противоречие великих международных вещей с фактическим положением родины в данную минуту.

Ясно, следовательно, что, любя отечество, можно и должно многое в нем ненавидеть, презирать, гнать, клеймить, позорить. И если бы (беру случай теоретической возможности) мрачные исторические условия обратили хищение и неправду даже в «народную святыню», так и то она должна быть низвергнута, как был низвергнут идол Перуна (тоже народная святыня того времени) основателем христианства в России. Пусть медные лбы, величаясь своим патриотизмом, ходят вокруг да около и пусть вопят в отчаянии, как поклонники Перуна: «Выдыбай, боже!».

* * *

Но, может быть, я поднял вопрос в слишком высокие и отвлеченные сферы. Может быть, дело стоит просто так, что мы, полагая в своем ослеплении великие международные вещи уже достигшими полного развития и осуществления на Западе, и именно на либеральном Западе, желаем пересадки Запада к нам, на Восток. Медные лбы говорят это. Забыв, как сами они стучали своею непроницаемою металлическою поверхностью перед либеральным Западом и как они не разбились только потому, что медные лбы вообще не разбиваются, забыв, говорю, свое прошлое, они вместе с тем с невероятною наглостью валят с больной головы на здоровую.

Дело в том, что за все эти семидесятилетние годы ни один орган русской печати не относился к различным проявлениям Запада, и в особенности либерального Запада, с такою пристальною, тревожною, с такою, смею сказать, патриотическою критикою, как мы, несправедливо носящие титул «Отечественных Записок». Я вызываю любой медный лоб опровергнуть меня. Опровергнуть, разумеется, фактически, а не так, как Ноздрев возражал Мижухеву: «А вот же поймал, вот нарочно поймал!». Правда, мы не вопияли о нашей «самобытности» и не трепали за волосы все европейское прошлое и настоящее, а напротив, видели в нем и лучи ослепительно яркого, благодатного света.

Но тем не менее верно, что нынешние модные противники «quasi-либерализма», «лже-либерализма» и проч., сплошь и рядом бьют нам челом нашим же добром, только в искалечен-

ном виде, с придачей нахальства в тоне, всякого вздора и мракобесия в содержании. О медные лбы! Что говорить о прошлом? И теперь, когда мы систематически отказываемся бить лежащего и стрелять в спину, мы не поступились ничем из своих взглядов. А медные лбы читают, например, хоть интересные статьи г. В. В. 8), в которых разъясняется, что для нашего отечества не обязателен и даже невозможен путь европейского либерального развития, читают и говорят: «Орган расхожего европейского либерализма, словно в насмешку присвоивший себе имя „Отечественных Записок“»...

Паки и паки: медные лбы! А вы, вареные души, неужто вы, в самом деле и напередки будете «ничего»? Неужто души у вас выварены до состояния мочалки?!

Как ни гладок, как ни крепок, как ни лоснится медный лоб, но есть же все-таки в конце концов какая-нибудь цель, не сознательная, так инстинктивная, его наглого лгания. Ноздрев лгал по неудержимой склонности своей в некотором роде художественной натуры, из элементарного желания напакостить ближнему, из желания оказаться приятным человеком в той или другой компании. Но в конце концов он обдeldывал свои делишки, глупо, неумело, беспорядочно, но обдeldывал. Так и нынешние медные лбы и даже о гораздо большей степени.

В той же статье г. Маркова, которая служит исходным пунктом для настоящей главы «Записок Современника», говорится о «навязываемой нам литературою известного направления обязанности заклать в жертву интересов крестьянского сословия все другие интересы и сословия русского государства, сознательно игнорируемые этим направлением». Говорится также о мечтаниях нашей «мужиковствующей» журналистики, великодушно жертвующей чужими интересами и претендующей основать на этом дешевом подвиге свою репутацию передовых людей России.

Вот корень вещей. Это ненавистное «мужиковствующее» направление (термин, до которого г. Марков своим умом дошел, чем очень гордится) и есть именно то «галманское» направление, которое вторит европейскому либерализму, осмеивает народные святыни и проч. И в этом все дело. Г. Маркову нет никакого дела до того, что настоящий «расхожий европейский либерализм» никогда фактически «мужиковствующим» не был и никогда не мог быть таковым в принципе. Но г. Маркову и вообще нет дела до Запада и Востока, Севера и Юга. Все это – аксессуары или, пожалуй, бильярдные шары, которые игрок сажает то в среднюю лузу, то в одну крайнюю, то в другую, смотря по тому, как удобнее. Самая же суть состоит, как давно уже разъяснил сам г. Марков, в «восстановлении простых и тихих прелестей крепостного быта», в обновленной, конечно, форме. Можно это устроить при помощи европейского либерализма – прекрасно: да здравствует либерализм! Нельзя – г. Марков поищет других средств, будет ругать либерализм чуть что не непечатными словами и уличать прохожих в измене отечеству...

Господа медные лбы! Если в вас под металлической крышкой сохранилась хоть единая капля человеческого достоинства, – бросьте клевету и наглую ложь, перестаньте валить с больной головы на здоровую, перестаньте кощунствовать, толкуя об идеалах, и говорите прямо, чего вам нужно.

«Апокалипсис Запада»

(Из статьи «Из полемики с Достоевским»)

Если человек, даже чрезвычайно талантливый, скажет или напишет какую-нибудь путаницу и потом будет вновь и вновь к ней возвращаться, стараясь свести концы с концами, то достаточный ли это повод, чтобы присутствующие также вновь и вновь к той путанице возвращались?

Другими словами: г. Достоевский произнес известную речь на пушкинском празднике в Москве; о ней много толковали; теперь г. Достоевский издал эту речь с комментариями в виде «Дневника писателя»; стоит ли о ней опять толковать?

Решительно не стоит. Ибо эти самые толки могут побудить г. Достоевского в ближайшем номере «Дневника писателя» опять заняться азартнейшим водотолчением, а это зрелище вовсе не приятное вообще и в настоящем случае в особенности.

Толки о речи г. Достоевского и о его комментариях к ней должны, кажется, и самому г. Достоевскому очень не нравиться. В самом деле они ему только дорогу загораживают. Он сказал, например, очень уж старое слово, что мы, русские, скажем Европе новое слово. О чем тут, спрашивается, толковать? Скажем, так скажем, а пока будем ждать, может быть, именно г. Достоевскому и суждено сказать это новое слово.

Если бы еще г. Достоевский перешел из области прорицаний в сферу действительности и прямо указал, что вот, дескать, в чем состоит новое слово, преподносимое нами Европе, ну, тогда другое дело, тогда было бы о чем толковать, тогда можно бы было рассуждать, действительно ли это слово новое; а если новое, то хорошо ли оно. Но ведь ничего подобного нет.

* * *

До какой в самом деле степени господа комментаторы мешают г. Достоевскому, можно видеть из следующего примера. Почтенный романист говорит, между прочим, что «для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей». Об арийском племени и еще где-то говорится с такою же определенностью. Сообразно этому в «Дневнике писателя» г. Достоевский шлет весьма ядовитую пику «жидам». Это последовательно. Если бы «жиды» принадлежали к великому арийскому племени, то г. Достоевский не сказал бы об них ничего ядовитого, ибо мы, русские, призваны не к ядовитостям насчет иноплемен, а, напротив, к братскому воссоединению людей. Однако этот «удел» наш, по мысли г. Достоевского, не простирается за пределы великого арийского племени, а так как «жиды» — семиты, то им можно всякую пакость сказать и учинить.

Мысль очень оригинальная, но несколько невыясненная, да и то, собственно говоря, не выяснены самые пустяки, а именно причины ограничения нашей всемирности арийским племенем. Немножечко бы еще подождать, предоставив г. Достоевскому возможность беспрепятственного размышления среди всеобщего благоговейного молчания, и он, разумеется, все это уяснил бы сначала самому себе, а потом и остальному человечеству.

Но вот высказывает «Берег» с неудержимым стремлением наложить на «Дневник писателя» клеймо своего сочувствия и в подтверждение (заметьте!) идеи г. Достоевского излагает следующее: «Без этой объединяющей, умиротворяющей силы разве ужился бы наш народ со

всеми теми разнообразными племенами, которые как кольцом окружают его со всех сторон. Находясь в центре, русский одинаково дружит и с финном, и с эстом, и с литовцем, и с цыганом, с черкесом, киргизом, калмыком, китайцем, чукчей, самоедом, лапландцем, со всеми, одним словом, народами и народцами, которые окружают его или живут среди его, как, например, татары, евреи, немцы».

Выходит простое, самое заурядное хвастовство, во-первых, а во-вторых, извращается оригинальная мысль г. Достоевского, который финнов, евреев, татар, чукчей и прочих, не принадлежащих к великому арийскому племени, вовсе не имел в виду и всегда, может быть, готов даже собственноручно им какую-нибудь пакость сделать во славу Божию. Какая же это, спрашивается, помощь или поддержка г. Достоевскому? Никакой помощи нет, а только с толку мыслителя сбивают, не дают ему обдуматься и высказаться.

Насчет инородцев неарийского происхождения у г. Достоевского есть, очевидно, особое мнение, за гениальность которого ручаются, во-первых, самый факт ограничения «всемирности» арийским племенем, а во-вторых, некоторые прецеденты. Все, без сомнения, помнят гениальную простоту, с которой г. Достоевский в «Дневнике писателя» же разрешал восточный вопрос. Он тогда тоже прорицал и именно прорицал, что мы возьмем Константинополь и что все это произойдет чрезвычайно просто. Помните, писал он, как с Казанью было: взяли русские Казань, и татары стали торговать мылом и халатами; так и с Константинополем будет. Прорицание немножко не осуществилось, но дело не в этом, не всякое же лыко в строку, а дело в том, что вот как с неарийцами надлежит поступать: не братством их потчевать и не «воссоединением», а ступай-ка, дескать, свиное ухо, мылом торговать!

* * *

Выразив вышеприведенную мысль о нашей всемирности, приобретенной силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей, г. Достоевский находит подтверждение этого «мечтания» своего и в нашей новой истории. «Ибо, – говорит он, – что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем самой себе?»

На это г. Градовский в своей критической заметке в газете «Голос» пишет: «Г. Достоевский гордится тем, что мы два века служили Европе. Признаемся, это „служение“ вызывает в нас не радостное чувство. Время ли Венского конгресса и вообще эпохи конгрессов может быть предметом нашей „гордости“? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли национальное движение в Италии и Германии и косились даже на единоверных греков? И какую ненависть нажили мы в Европе именно за это служение».

Резонно или не резонно это замечание г. Градовского, но вслушайтесь, пожалуйста, внимательнее в антикритику г. Достоевского:

«Разве я хвалил то, как мы служили? Я только хотел отметить факт служения, и факт этот истинен. Но факт служения и то, как мы служили, – два дела совсем разные. Мы могли сделать очень много политических ошибок, да и европейцы их делают во множестве поминутно, но не промахи наши я хвалил, я только факт нашего служения (почти всегда бескорыстного) обозначил. Неужели вы не понимаете, что это две вещи разные? „Г. Достоевский гордится тем, что мы служили Европе“, – говорите вы. Да вовсе и не гордясь я это сказал, я только обозначил черту нашего народною духа, черту многознаменующую. Так отыскать прекрасную, здоровую черту в духе национальном значит уж непременно гордиться? А что вы говорите про Меттерниха и про конгрессы? Это вы-то меня будете в этом учить? Да я еще, когда вы были студентом, про служение Меттерниху говорил, да еще посильнее вашего, и именно за слова об неудачном служении Меттерниху (между другими словами, конечно) тридцать лет тому назад известным образом и ответил. Для чего же вы это исказили? А вот, чтобы показать: „Видите ли, какой я

либерал, а вот поэт, восторженный-то любитель народа, слышите, какие ретроградные вещи мелет, гордясь нашим служением Меттерниху“».

Увертки, г. Достоевский! Обратите внимание хоть на это напоминание о понесенном тридцать лет тому назад наказании. Эффект чрезвычайно целесообразный. Выходит, что противник хотя и либеральничает, но, во-первых, жидко, а во-вторых, так сказать, безданно и беспощинно, а сам г. Достоевский либеральничал круто и наказание потерпел. Вы невольно проникаетесь уважением к потерпевшему за правду и приходите к мысли, что ученого учить и в самом деле нечего, только портить. Однако уважение уважением, а эффект-то хоть и достигается низменной полемической цели, но к делу вовсе не идет, вовсе к нему не относится.

Мало ли что тридцать лет тому назад было! Тридцать лет тому назад г. Достоевский говорил, например, о каторге уж, конечно, не с благоговением, не с фантастической верою, что она может просветить человека лучшим светом, а потому, дескать, на каторгу ссылать непременно следует. Ну а теперь он каторгу именно в этом смысле понимает. Так и с Меттернихом могло случиться. Тридцать лет много времени...

Или вот тоже эффект насчет «восторженного любителя народа». Хотя он и под ироническим соусом подан и от лица г. Градовского, но это-то и эффектно. А к делу все-таки не идет. Г. Градовский мог бы возразить: «Вовсе я вас, государь мой, восторженным любителем народа не считаю и не могу считать, ибо даже тут, в этом самом месте вашей антикритики, вы третируете народ совершенно так же, как тот фельдъегерь, о котором вы говорите в Дневнике писателя» же: «Ему вся Россия представляется лишь в его начальстве, а все, что кроме начальства, почти недостойно было существовать».

В самом деле, припомним любой эпизод из истории нашего служения Европе за последние два века. Припомним, например, как русские войска ходили под предводительством Суворова «спасать царей» или как Гергей складывал оружие перед победоносным русским воинством. Как ни отделяй в обоих этих эпизодах факта служения от того, как мы служили, но нет никакой возможности приурочить сюда «силу братства и братского стремления к воссоединению людей». Какое уж тут братство и какое воссоединение!..

* * *

Довольно натурально, что г. Достоевский преувеличивает значение своей речи, доходя в этом направлении даже до комизма, – такова уже человеческая слабость. Со стороны дело, конечно, лучше видно, но было бы все-таки и напрасным, и ненужным трудом разочаровывать г. Достоевского, если бы не одно чрезвычайно важное и чрезвычайно любопытное обстоятельство.

Почтенный романист считает «слишком серьезным» тот момент пушкинского праздника, в котором он играл такую видную роль. Серьезность этого момента состояла в том, что под влиянием речи г. Достоевского «ярко и ясно объявились люди, которые жаждут подвига, утешающей мысли, обетования дела. Значит, не хочет уже общество удовлетворяться одним только нашим либеральным хихиканьем над Россией, значит, мерзит уже учение о вековечном бессилии России. Одна только надежда, один намек – и сердца зажглись святою жаждою всечеловеческого дела, всебратского служения и подвига».

Эти «новые элементы» упоминаются и еще в одном месте, именно в самом начале ответа г. Градовскому и тоже в сопоставлении «с либеральным подхихикиванием над всяким словом надежды на Россию». Кроме, однако, «либералов» или «русских европейцев» и «новых элементов», есть еще у нас «Пушкин, Хомяков, Самарины, Аксаковы», которые начали толковать о настоящей сути народной (до них хоть и толковали о ней, но как-то классически и театрално). И когда они начали толковать о «народной правде», все смотрели на них как на эпилептиков и идиотов, имеющих в идеале «есть редьку и писать донесения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.